

Книжная полка

КОНТРОЛЬ ЗА ВЫПОЛНЕНИЕМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ/Под ред. У. Батлера. – 1991. – 209с.

Control Over Compliance with International Law/Ed. W.E. Butler. – 1991. – 209 p.

Обозреваемая монография под общей редакцией профессора У. Батлера написана на основе материалов 4-го англо-советского симпозиума по международному публичному праву. Работа посвящена контролю за соблюдением международного права. В ней имеются общетеоретическая глава, где раскрывается концепция контроля за соблюдением международного права, а также специальные главы, в которых показывается значение контроля в отдельных областях международных отношений: разоружение, защита окружающей среды, права человека и др.

По вопросу о концептуальном восприятии понятия контроля в книге представлены три доклада: профессоров И.И. Лукашука, М.И. Лазарева и О.Н. Хлестова.

И.И. Лукашук считает контроль существенным условием функционирования международного права. Сущность контроля состоит в установлении степени соответствия поведения субъектов нормам международного права. Контроль выполняет три функции: установление факта нарушения права; применение принуждения против субъекта-нарушителя с целью побудить его выполнять предписания международного права; толкование норм права в смысле определения действий государств, не соответствующих нормам права.

Затем автор переходит к анализу двух существующих типов контроля – национального и международного. В работе уделяется приоритетное внимание механизму контроля в области защиты прав человека, разоружения и безопасности. Особо следует отметить конкретные предложения автора по усовершенствованию системы международного контроля. В частности, речь идет о создании специальной комиссии по международной законности, решения которой носили бы рекомендательный характер. Комиссия могла бы служить тем органом, куда государства направляют жалобы по поводу нарушения тем или иным членом мирового сообщества международных обязательств. Наряду с Международным Судом такая комиссия со-

действовала бы созданию цельной системы обеспечения строгого международного контроля за добросовестным выполнением всеми государствами – членами ООН своих международных обязательств. Признавая разумность такого предложения, следует отметить, что споры относительно соблюдения международных обязательств целесообразнее все-таки разрешать посредством обращения к судебноарбитражной процедуре с выходом на юридически обязательное решение.

М.И. Лазарев в докладе "О теоретической концепции контроля в отношении выполнения международных обязательств" предлагает оригинальную по содержанию и новизне концепцию контроля, которая должна сделать орган контроля действительно активным органом, способным быть центром сотрудничества, взаимной помощи и доброй воли. Выдвигаемые автором три основных элемента новой концепции международного контроля представляются разумными и достаточно реалистичными. Это фактологический контроль над выполнением обязательств; оказание помощи определенной стороне в выполнении международных обязательств; предупреждение последующих нарушений обязательств данной стороной. Своевременным и полезным представляется предложение автора по созданию в рамках внешнеполитического ведомства специального отдела с функциями координации усилий по обеспечению контроля на национальном уровне за соблюдением данным государством и его контрагентами своих обязательств.

О.Н. Хлестов выдвигает ряд оригинальных предложений по обеспечению большей эффективности процедуры осуществления контроля. Особого внимания заслуживает предложение по кодификационному развитию права международных договоров в той части, где речь идет о контроле над добросовестным выполнением международных договоров.

Венская конвенция 1969 года (ст. 60) признает право государства прекратить действие как двустороннего, так и многостороннего договора в случае его существенного нарушения. Это право вытекает из права государства осуществлять контроль над выполнением международного договора, участником которого оно является. Соответственно, с целью кодификационного оформления предполагается ввести в подходящем по форме международно-правовом документе (возможно, Дополнительный протокол к Венской конвенции 1969 г.) специальную статью, которая бы уточняла право государств на индивидуальный и коллективный контроль за выполнением участниками договора своих обязательств.

Второй раздел симпозиума – "Контроль над вооружениями и разоружение" – представлен докладами профессора У. Батлера и профессора В.С. Верещетина.

Английский ученый У. Батлер затрагивает вопрос о прекращении договора в случае его существенного нарушения. Отмечая весьма скромный характер практики на этот счет, он подчеркивает большой символический смысл такой процедуры: само существование такого права может способствовать тому, что стороны будут воздерживаться от действий, несовместимых с договором.

Значительный доктринальный интерес представляют соображения относительно принципа коренного изменения обстоятельств в отношении договора о разоружении. У. Батлер справедливо полагает, что применение данного принципа к нарушениям договора в области разоружения затруднено. Ссылки на него возможны лишь в применении к ситуациям, когда под угрозу ставятся "высшие национальные интересы".

Важное значение имеют концептуальные выводы английского ученого о роли международного права в регулировании контроля над соглашениями в области разоружения. Весьма обоснованно звучит утверждение о необходимости большей гласности во всем, что касается реальных нужд обеспечения безопасности государства в связи с возможными или уже имевшими место нарушениями, а также в связи с техническими проблемами проверки и теми юридическими преградами, которые могут встретиться в ходе проверки и принятия ответных мер. Большую помощь в практической деятельности юристов-международников по оценке соглашений в области разоружения могло бы оказать создание соответствующей базы данных в отношении соблюдения соглашений по контролю над разоружением.

В.С. Верещетин раскрывает содержание концепции "открытого неба" в ее настоящем понимании. Он справедливо констатирует, что содержание концепции вышло далеко за границы классического понимания контроля за выполнением соглашений в сфере ограничения вооружений. Новое понимание концепции – это скорее мера укрепления доверия, дорога к демилитаризации международных отношений. Наглядным подтверждением признания нашей страной такого понимания концепции является признание принципа инспекции на местах и инспекции с воздуха, который был одобрен всеми участниками Стокгольмской конференции 1986 года по мерам укрепления доверия. В.С. Верещетин категорически отвергает какую-либо связь между новым пониманием концепции "открытого неба" и легализацией шпионажа в пределах воздушного пространства иностранного государства. Являясь мерой укрепления доверия, концепция "открытого неба" обеспечивает на практике равную безопасность для всех государств. В своем эволюционном развитии она в конечном счете будет заменена концепцией "глобального открытого неба",

включающей в себя и концепцию "открытого неба", и концепцию "открытого космического пространства". Логичность такого заключения юридически и фактически обоснована.

Далее следует раздел об экологической безопасности, самый крупный по объему, в котором представлены шесть докладов.

А.С. Тимошенко рассматривает проблемы функционирования контрольного механизма в системе экологической безопасности. Ученый обосновывает включение вопроса о защите окружающей среды в сферу национальной безопасности государств. Автор вполне правомерно ставит вопрос о конверсии с целью обеспечения нужд экологической безопасности. Приоритетное значение проблем экологии подтверждает обоснованность доктринального тезиса А.С. Тимошенко о необходимости кардинального пересмотра подхода к контролю в сфере экологии. Вместо политики "реагирования и исправления" ставится задача "предвидения и предупреждения". Автор указывает на необходимость слияния систем национального и международного контроля, поскольку именно комплексная система контроля может гарантировать выполнение государством своих договорных обязательств в области экологии. Исходя из своей концепции равной значимости проблемы обеспечения национальной безопасности и проблемы экологической безопасности государств, А.С. Тимошенко убедительно обосновывает предложение о создании по аналогии с международным агентством по наблюдению и контролю в области разоружения соответствующего международного агентства в области экологии.

Доклад английского ученого П. Дж. Сэндса посвящен роли международных неправительственных организаций (МНПО) в международном правотворчестве в области охраны окружающей среды. До сих пор не существует какой-либо специальной монографии по этой теме. Обычно все ограничивается простой констатацией того, что МНПО не являются субъектами международного права, хотя не исключается возможность их ограниченного участия в области прав человека.

В докладе дается общее представление о направленности правотворческой деятельности МНПО и мерах по обеспечению принятых нормативных актов, приводятся факты их непосредственного участия в выработке международных договоров и конвенций, а также косвенного участия в развитии международного обычного права; отмечается роль МНПО в правотворческой деятельности в области ответственности за ядерный ущерб и в выработке статута Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР).

Фактологический материал, приведенный автором, носит во многом новаторский характер. Работа интересна по содержанию

и призвана подтвердить возрастание роли МНПО в международном правотворческом процессе в области охраны окружающей среды.

Тема, поднятая английским ученым А. Бойлом, затрагивает интересы всего сообщества государств. Проблема ответственности за ущерб окружающей среде в глобальном масштабе уже не может решаться на основе индивидуальной ответственности отдельно взятого государства. Соответственно, под вопрос поставлены как сам принцип ответственности, базирующийся на возмещении ущерба за нарушение обязательства, так и основание для государства ссылаться на него. С целью защиты интересов мирового сообщества должны быть найдены альтернативные методы соблюдения норм международного права.

А. Бойль приходит к заключению, что в рамках действующего международного права соблюдение международных обязательств по защите объектов окружающей среды со статусом общего наследия человечества может быть наилучшим образом обеспечено при участии международных организаций, осуществляющих контроль за соблюдением согласованных стандартов поведения. Могут быть использованы и другие формы коллективной отчетности, дополняемые, где это необходимо, эффективными мерами на уровне национального законодательства. Такой в основном регулятивный подход с использованием международных институтов находится в русле практики, признанной в качестве приоритетной ныне действующей международно-правовой системой.

Таким образом, реальная возможность всеобъемлющего соблюдения норм международного права в области охраны окружающей среды обеспечивается не на основе концепции индивидуальной ответственности государства, а благодаря деятельности этих агентств, выступающих в качестве проводников воздействия со стороны общественных сил. Вывод так же юридически верен, как и практически обоснован. Всесторонняя оценка выдвинутых предложений позволяяет говорить о их целесообразности и реальности.

Английский ученый М. Андерсон рассматривает вопрос о выполнении государством обязательств в случае транснационального спора на примере катастрофы на американском заводе по производству пестицидов в г. Бхопале (Индия).

Случай в Бхопале высветил две проблемы, которые встанут весьма остро перед юристами-международниками в следующем столетии. Во-первых, это расширение сферы применения опасных для человеческой жизни технологий, во-вторых, способность транснациональных корпораций в силу их могущества уклоняться от соблюдения национальных нормативных актов государств, в которых они осуществляют свою деятельность. Потенциальные жертвы

негативных последствий такой деятельности будут добиваться от собственного государства возмещения понесенного ущерба, однако иски такого порядка не могут быть в полной мере обеспечены на национальном уровне в силу международного характера поднятых в них проблем.

В качестве возможного решения возникающей дилеммы М. Андерсон предлагает соответствующие международные обязательства государств, в том числе предпринять ряд шагов, которые, несомненно, повысили бы уровень правового обеспечения законных интересов лиц, являющихся истцами по делам, связанным с международным судебным разбирательством. Первым таким шагом явилось бы обязательство обеспечить эффективную юридическую защиту лиц (заявителей), вовлеченных в процесс международного судебного разбирательства. В этом плане интерес представляет предложение о разработке международного договора, регулирующего вопрос о юрисдикции по делам, которые включают иски транснационального характера. Вполне приемлемым альтернативным вариантом представляется предложение о создании развернутой системы международного страхования. Именно через выработку соответствующих международно-правовых норм возможно обеспечить всесторонний и жесткий контроль за деятельностью транснациональных корпораций, заключает автор.

Проблема проверки выполнения государствами международных обязательств традиционно рассматривается в доктрине и практике международного права как трудная и мало разработанная. Вместе с тем по своей важности она выходит далеко за рамки интересов нескольких государств. Речь здесь идет о цельности международного права как системы, призванной с согласия членов мирового сообщества содействовать установлению верховенства права в отношениях между государствами. Специалист в области охраны окружающей среды С.В. Виноградов посвятил свое выступление механизму проверки, установленному в международной договорной системе о правовом режиме Антарктики. Договорная система Антарктики включает в себя Договор 1959 года об Антарктике, конвенцию 1972 года о сохранении антарктических тюленей, конвенцию 1980 года о сохранении живых морских ресурсов Антарктики, конвенцию 1988 года о регулировании деятельности по разработке минеральных ресурсов Антарктики. Система контроля должна обеспечить должный уровень поведения, при котором выполнение обязательств и пользование правами (согласно договорному режиму территории) осуществлялись бы исключительно на основе принципа добросовестности. Антарктическая договорная система нацелена на то, чтобы территория Антарктики использовалась государствами исключительно в мир-

ных целях и, соответственно, никогда в будущем не становилась объектом межгосударственных споров (ст. 2 конвенции 1988 г.). В этом плане система контроля, установленная согласно договорному режиму Антарктики, в целом соответствует общим задачам мирного использования территории. Договор 1959 года рассматривается как сердцевина антарктической правовой системы. Такие основополагающие ее принципы, как использование Антарктики исключительно для мирных целей, свобода научных исследований и международное сотрудничество, выдвинуты впервые именно в Договоре 1959 года. Контрольный механизм, согласно Договору 1959 года, обеспечивает стабильность всей антарктической правовой системы. Общая оценка роли контрольного механизма согласуется с нашим собственным заключением о все более четко проявляющейся тенденции к институализации международного контроля. Индивидуальный контроль за выполнением обязательств со стороны самих участников договора заменяется контрольным механизмом на уровне международных институтов. Такая тенденция логична и объяснима. Все большая взаимозависимость государств и понимание целостности международного правопорядка делают насущной задачей дня использование международных институтов в целях контроля за добросовестным выполнением государствами своих международных обязательств.

Темой выступления английского ученого Дж.Планта было обеспечение выполнения многосторонних договоров в области эксплуатации естественных ресурсов в свете "либерального" ("расширительного") толкования их положений органами, созданными во исполнение данных договоров. Речь идет о Конвенции по морскому праву 1982 года, Соглашении о деятельности государств на Луне и других небесных телах 1979 года, Договоре 1959 года об Антарктике.

Дж. Планта стремится установить, насколько органы, созданные в развитие указанных договоров, содействовали их строгому выполнению и насколько, наоборот, они допускали ревизионистское толкование этих договоров, вплоть до фактического изменения обязательств сторон и даже уклонения от соблюдения конкретных обязательств. По мнению Дж. Планта, органы, созданные в развитие многосторонних международных договоров, вправе давать в определенной мере гибкое толкование, однако в тех случаях, когда они выходят за рамки допустимого и принимают так называемое "либеральное" толкование, они фактически наделяют себя полномочиями, присущими субъектам права.

Мнение английского ученого по проблеме толкования договоров перекликается с нашим собственным пониманием данной проб-

лемы, подтверждается наукой и практикой международного права. В соответствии с общим правилом толкования, зафиксированным в п. 1 ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора. Данное положение отражает в концентрированном виде принцип *ut res magis valeat quam pereat*. Когда договор открыт для двух возможных толкований, одно из которых позволяет ему вызывать соответствующие последствия, а другое этого не позволяет, принцип добросовестности, а также объект и цель договора требуют того, чтобы было принято первое толкование. При условии жесткого применения в строго определенных рамках принцип *ut res magis valeat quam pereat* отнюдь не призывает к "либеральному" ("расширительному") толкованию. Таким образом, принцип добросовестности, объект и цель договора как составляющие в своей совокупности общее правило толкования содействуют эффективному применению договора и исключают возможность какого-либо искажения истинных намерений создателей договора под предлогом толкования. Никакой орган, созданный в развитие договора, не вправе принимать прерогативы субъектов права, искажая тем самым намерения сторон, воплощенные в положениях договора.

Отсюда очевидна правильность выводов Дж. Планта о том, что органы, созданные в развитие Конвенции ООН 1982 года по морскому праву, Соглашения 1979 года о Луне и Договора 1959 года об Антарктике, должны осуществлять толкование в строгом соответствии с положениями ст. 31 Венской конвенции 1969 года о праве международных договоров, то есть руководствоваться в своем поведении исключительно принципом добросовестности и принимать во внимание в обязательном порядке объект и цель договора. "Либеральное" толкование фактически привело к изменениям в характере обязательств участников договоров, что недопустимо с точки зрения права.

Вопросы контроля за выполнением международных обязательств в области обеспечения прав человека рассматривались в докладах профессора Р.А. Мюллерсона и английского ученого Ч. Вэбрика.

Р.А. Мюллерсон дал оценку эффективности норм международного права в области прав человека на примере деятельности Комитета по правам человека, созданного в соответствии с Международ-

ным пактом о политических и гражданских правах. Напоминая о том, что комитет выполняет четыре основные функции (рассматривает доклады государств — участников пакта; расследует согласно ст. 41 пакта жалобы государств друг к другу; рассматривает индивидуальные сообщения согласно Факультативному протоколу; формулирует комментарии общего порядка в форме толкования статей пакта), автор показывает, что параллельное заслушивание докладов государств и индивидуальных сообщений представляется наиболее эффективным средством контроля за соблюдением международных стандартов в области прав человека.

Доводы Р.А. Мюллерсона подкреплены анализом деятельности комитета по оценке докладов государств и сообщений отдельных лиц. Заключительный тезис о необходимости присоединения на универсальной основе к Факультативному протоколу придает целостность концептуальному восприятию автором проблемы обеспечения контроля за соблюдением стандартов поведения государств в области прав человека. Индивидуальные сообщения рассматриваются им в качестве наиболее адекватного средства воздействия на государство, не выполняющее свои обязательства согласно пакту. Действительно, предание огласке на уровне ООН случаев несоблюдения соответствующим государством общепризнанных стандартов в области прав человека может оказаться весьма действенным способом политического давления на государство с целью корректировки его поведения.

В выступлении Ч. Вэбрика исследуется вопрос о влиянии практики Европейского суда по правам человека на определение объема обязанностей государств, устанавливаемых постановлениями Европейской конвенции по правам человека. Роль суда здесь сводится к толкованию обязанностей государств согласно конвенции. Давая оценку деятельности суда по толкованию Европейской конвенции по правам человека, автор констатирует, что в основе этой деятельности лежат постановления Венской конвенции о праве международных договоров. Речь идет об общепринятом правиле текстуального подхода к толкованию с учетом объекта и цели договора (под объектом и целью договора в данном случае понимается необходимость защищать основные права человеческой личности от каких-либо посягательств). С научной точки зрения интерес представляет тот аспект деятельности суда, когда он в результате толкования конвенции содействовал "выработке обязанностей" государств дополнительно к тем, которые были зафиксированы в части 1 кон-

венции. С одной стороны, суд, используя доктрину подразумеваемых прав человека, имманентно присущих ему как личности, расширил сферу защиты прав, предоставляемых по конвенции. С другой стороны, он установил четкий предел своей деятельности в указанном направлении. Баланс между невмешательством государств в сферу прав личности и правами человека, предоставляемыми согласно конвенции, поддерживается судом постоянно и скрупулезно. В качестве примера могут служить 200 дел, возбужденных в первоначальном варианте по заявлениям отдельных лиц и впоследствии прекращенных ввиду необоснованности с точки зрения права и факта претензий истца.

Заключительные доклады посвящены проблемам контроля за выполнением государствами обязательств в различных областях международных отношений: регулирование труда, торговли, инвестиций, методы ведения военных действий.

С.А. Иванов дал глубокий анализ контроля за соблюдением принятых в рамках МОТ конвенций и рекомендаций. Главная цель такого контроля состоит в том, чтобы свободно принятые обязательства уважались и тем самым подтверждалась значимость самого акта ратификации конвенции. А это, в свою очередь, подтверждало бы значимость международного права как системы норм, выработанных самими государствами и ими же исполняемых. С.А. Иванов делает итоговый вывод о том, что контроль за соответствием внутригосударственной практики международно-правовым нормам в рамках МОТ осуществляется на недостаточном уровне. Сказываются фактическое отсутствие юридической ответственности и недостаток санкций за уклонение от выполнения решений органов МОТ по конкретным случаям несоблюдения международных обязательств по ратифицированным конвенциям МОТ. Соответственно, вполне обоснованно ставится задача усиления объема и характера санкций за акты недобросовестного выполнения принятых договорных обязательств. Авторитет МОТ как первой межгосударственной организации, создавшей собственный контрольный механизм за выполнением международных договоров, зависит от того, насколько она сможет обеспечить соответствие законодательной практики государств-членов нормам международного права.

Английский ученый П. Слинн исследовал проблему имплементации международных обязательств в отношении развивающихся государств. В зависимости от ответа на вопрос, имеют ли молодые независимые государства в рамках права на

развитие право на преференциальный статус или их взаимоотношения с развитыми странами должны строиться исключительно на основе полного равенства, определяется необходимость обязательств развитых стран по оказанию помощи развивающимся государствам. Автор справедливо считает, что развивающиеся государства нуждаются в преференциальном отношении, поэтому международные обязательства по оказанию им соответствующей помощи, безусловно, необходимы. Помощь развитых государств должна осуществляться на основе специальных обязательств через традиционные каналы двусторонних соглашений или через такие международные институты, как ГАТТ. Наиболее эффективным способом предоставления помощи развивающимся странам представляются каналы в рамках уже проверенных на практике международных структур.

Ученый из Великобритании П. Мучлинский посвятил свой интересный доклад проблеме урегулирования споров на основе Вашингтонской конвенции по разрешению споров, касающихся инвестиций между государствами и гражданами других государств (подписана 18 марта 1965 г., вступила в силу 14 октября 1966 г.). В соответствии с этой конвенцией был учрежден Международный центр по урегулированию споров в отношении инвестиций. Его цели сопоставимы с задачами, стоящими перед Международным Судом и арбитражем: через обязательную судебно-арбитражную процедуру содействовать мирному разрешению споров.

Давая ретроспективный анализ деятельности Международного центра, автор констатирует, что за 24-летний период было рассмотрено всего 26 дел, хотя конвенцию подписали 98, а ратифицировало ее 91 государство. Несмотря на значительное количество участников Вашингтонской конвенции, они не проявляли готовности обращаться в арбитражный суд. Основной причиной, по мнению автора, являются отсутствие выраженного согласия государств признать юрисдикцию созданной на основе Вашингтонской конвенции системы и наложение ограничений на круг споров, которые могут быть представлены в Международный центр. Вполне обоснованно звучит вопрос о целесообразности присоединения государств к Вашингтонской конвенции.

Ситуация с арбитражным разбирательством в рамках системы, установленной Вашингтонской конвенцией, сходна с ситуацией, которая сложилась с процедурой признания обязательной юрисдикции Международного Суда. Государства, признавая обязательную юрисдикцию Международного Суда на основе односторонней декларации

согласно п. 2 ст. 36 статута Суда, часто выдвигают такие оговорки (типа автоматических оговорок США и Франции), которые фактически сводят на нет саму идею обязательной судебно-арбитражной процедуры. Налицо попытка государств в нарушение принципа добросовестности фактически уклониться от всеобъемлющего выполнения международного обязательства. Такие попытки, естественно, неправомерны. В этой связи вполне оправдан с юридической точки зрения вопрос о целесообразности односторонних деклараций такого рода и заверений насчет приверженности идее обязательного судебного разбирательства споров. Принятие международного обязательства договорного типа, предполагающего обязательную процедуру судебно-арбитражного разбирательства споров, делает необходимым выполнение этого обязательства в полном соответствии с буквой и духом акта, на основе которого принято это обязательство. Принцип добросовестности в качестве важнейшего регулятивного принципа всей системы современного международного права устанавливает именно такие требования.

Английский юрист Ч. Гринвуд уделил основное внимание рассмотрению международных средств обеспечения норм права в случае вооруженного конфликта. За исключением права, регулирующего морские военные операции, которое не было предметом каких-либо изменений на протяжении вот уже около ста лет, а также отчасти права, регулирующего внутренние вооруженные конфликты и беспорядки, международное право в области вооруженных конфликтов достаточно совершенно. Четыре Женевские конвенции 1949 года о защите жертв войны, а также два Дополнительных протокола к ним 1977 года образуют достаточно регламентированную основу поведения государств, участвующих в вооруженных конфликтах. Конкретные пути совершенствования правопорядка в этой области автор обоснованно видит в более активном использовании института держав-покровительниц, включении процедуры обязательного судебно-арбитражного разбирательства, привлечении миссий ООН. Однако предлагаемые меры могут быть результативны только тогда, когда все члены мирового сообщества будут принимать самые решительные меры к любым фактам несоблюдения норм права в случае вооруженного конфликта. Международно-правовые нормы в данной области ввиду их значимости для мирового сообщества носят характер норм *erga omnes*. В силу этого обстоятельства право проявлять законный интерес к их соблюдению не ограничивается исключительно кругом непосредственных участников конфликта. Такое право принадлежит

всем участникам Женевских конвенций 1949 года. В ст. 1 Женевских конвенций 1949 года сказано, что государства обязались не только уважать положения конвенций, но и содействовать их соблюдению всеми участниками при любых обстоятельствах. Данная норма подтверждает общую тенденцию развития международного права, в соответствии с которой любой случай недобросовестного соблюдения юридических норм создает правовой титул для любого члена мирового сообщества проявлять законный интерес к соблюдению всех международных обязательств независимо от их источника. Высокая степень доверия (*uberrimae fidei*) предполагает такое поведение государств, при котором проявлено взаимное уважение прав государств – членов мирового сообщества и обеспечено соблюдение обязательств в полном соответствии с принципом добросовестности.

Материалы сборника, несомненно, вызовут самый живой интерес у любого ученого – специалиста в области международного права. Представленный труд можно рассматривать как своеобразный совместный вклад российских и английских ученых в науку международного права. Воплощая общую для всех государств мира заинтересованность во всеобъемлющем соблюдении норм международного права, данный научный труд конкретно подтверждает готовность наших двух стран совместными усилиями содействовать установлению господства права (*Rule of Law*) в межгосударственных отношениях.

Р.А.КАЛАМКАРЯН,
Доктор юридических наук